

UDK 821.161.09-1Deržavin G.

Анна Литвина

Национально-исследовательский Университет Высшая Школа Экономики
annalivina@gmail.com

Фёдор Успенский

Институт славяноведения РАН; Национально-исследовательский Университет
Высшая Школа Экономики
fjodor.uspenskiy@gmail.com

ОЖИДАЕМЫЕ ПАРАДОКСЫ В ПОСЛЕДНЕМ СТИХОТВОРЕНИИ

Г. Р. ДЕРЖАВИНА «РЕКА ВРЕМЕН В СВОЕМ СТРЕМЛЕНИИ...»¹

В работе демонстрируется связь структуры и содержания последнего стихотворения Гавриила Державина с формулой, восходящей к труду Геродота. Эта формула регулярно употреблялась, с одной стороны, в историографических и дидактических сочинениях и, с другой стороны, в юридических текстах Средневековья и раннего Нового времени. Особенно устойчивой она оказалась в завещаниях, что и обыгрывается поэтом в стихотворении «Река времен».

Ключевые слова: русская поэзия, средневековая историография, частный акт, аренга, литературная формула

The paper demonstrates the connection between the structure and the content of the last poem of Gabriel Derzhavin and its formula dating back to the works of Herodotus. This formula was used on a regular basis in historiographical and didactic works as well as in legal texts of the Middle Ages and the early Modern period. It was especially consistently used in wills, which is highlighted in Derzhavin's poem *Reka vremen* ("Time's river").

Keywords: Russian poetry, medieval historiography, act in private form, arenga, literary formula

Предсмертные строки Гавриила Романовича Державина были, как известно, вчерне записаны им 8 июля 1816 г. на аспидной доске и в дальнейшем, уже при публикации, получили название «Последние стихи Державина»:

Река времен в своем стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы! (Грот III: 235–36)

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Общее и особенное в динамике культурного и политического развития на Востоке и Западе Европы в X — XVII вв.», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

Стихи эти, которые по словам близких Державину людей, он собирался назвать «На тленность», практически сразу воспринимались ближайшим окружением поэта как завещание, в прямом, а не в переносном смысле. Между тем, если подойти к делу с точки зрения сугубо фактографической или даже биографической, то может возникнуть желание отказаться от романтического стереотипа, когда последние обнаруженные строки непременно подводят итог всему жизненному пути автора. В самом деле, поэт был болен, но если верить мемуаристам, ни он сам, ни его близкие совсем не ожидали столь скорой кончины, а что касается образного строя стихотворения, то почти каждая строка, взятая в отдельности, вполне типична для его творчества в разные годы. Еще Я. Грот (III: 236) в своих комментариях отмечал, например, что строка *и вечности жерлом пожрется* — это прямая автоцитата из оды «На смерть Нарышкина» (1799 г.).²

Тем не менее, мы хотели бы подчеркнуть, что современники были совершенно правы, и державинский текст опознается как *з а в е щ а н и е* не только в метафорическом смысле, не только по обстоятельствам его написания, но и по существеннейшим структурным параметрам. Он являет собой не что иное, как поэтическую реплику чрезвычайно устойчивой и весьма древней формулы. Для контрастного сопоставления приведем несколько текстов, написанных приблизительно за семь столетий до Державина в таких весьма удаленных друг от друга культурных центрах, как Византия и Англия.

В XII веке византийская царевна Анна Комнина составляет жизнеописание своего отца императора Алексея и в качестве преамбулы, призванной объяснить, зачем она это делает, Анна говорит:

Поток времени в своем неудержимом и вечном течении влечет за собой все сущее. Он ввергает в пучину забвения как незначительные события, так и великие, достойные памяти; туманное, как говорится в трагедии, он делает явным, а очевидное скрывает. Однако историческое повествование служит надежной защитой от потока времени и как бы сдерживает его неудержимое течение; оно вбирает в себя то, о чем сохранилась память, и не дает этому погибнуть в глубинах забвения. Это осознала я, Анна, дочь царственных родителей, Алексея и Ирины, рожденная и вскормленная в порфире. Я не только не чужда грамоте, но досконально изучила эллинскую речь, не пренебрегла риторикой, внимательно прочла труды Аристотеля и диалоги Платона и укрепила свой ум знанием четырех наук [...] И вот я решила в этом сочинении поведать о деяниях своего отца, ибо нет оснований обойти их молчанием и дать потоку времени увлечь их в море забвения [...] Ведь даже самые значительные дела исчезают во мраке молчания, если их не сохраняет для памяти историческое повествование (Анна Комнина: 53).

Западноевропейская историографическая традиция в это время переживает период, который нередко называют Возрождением XII века, история воспринимается авторами данной эпохи как часть литературы, призванной не

² Эта ода созвучна интересующему нас стихотворению не одной только строкой *Все вечности жерло пожрет* (Грот II: 306). В ней, в сущности, встречаются все те же мотивы — поток времени, мимолетность людских дел и т.п. Не столь отчетливо звучит лишь тема непреодолимости забвения.

только преподнести читателю моральный урок, но и развлечь его. И в том, и в другом европейские авторы следовали за античными образцами. Практически в ту же пору, когда на книжном греческом языке была составлена история Анны Комниной, среди прочих латиноязычных текстов в Англии была записана «Книжица епископа Этельвольда», пролог к которой начинается следующим образом:

Поскольку знание прошлого может окутаться тьмой неведения и под влиянием изменяющихся обстоятельств ускользнуть из человеческой памяти, прилично взять на себя труд предать письмом то, что достойно быть записанным, ибо то, что могло бы быть предано забвению, не будь оно записано, теперь может быть сохранено в памяти. И поскольку мы видели, как выдумки и нелепицы язычников были изложены со всей ученостью, украшены, так сказать, цветами риторики, подкреплены силлогизмами и аргументами, в гимназиях и школах публично рассмотрены и хвалебно провозглашены, мы посчитали необходимым, чтобы слова и деяния святых были записаны и, будучи записаны, послужили славе и почитанию Христа... (Золотарёв 2008: 163)

Вычленим сразу же стандартную риторическую антитезу, которая присутствует как в приведенных средневековых текстах, так и у Державина. Перед нами, с одной стороны, б ы с т р о т е ч н о е в р е м я, приносящее и уносящее, создающее и губящее, и с другой стороны, к у л ь т у р а, некое к у л ь т у р н о е у м е н и е, противостоящее этому всепожирающему потоку, и способное с помощью поэзии, истории, письменной речи или передающихся из уст в уста свидетельских показаний сохранить навсегда речь или событие.

Однако в английской историографической традиции этого времени можно обнаружить памятник, где интересующая нас формула содержит и третий элемент, которого мы не обнаружим ни у Комниной, ни у Этельвольда. Речь идет об «Истории англоv» Генриха Хантингдонского, созданной в том же столетии. Во второй версии его труда все три основные части книги — Пролог, историческое повествование и эпилог — заканчиваются сентенциями, развивающими тему *contemptus mundi*. При этом в VIII книге его «Истории» мы находим развернутое рассуждение на эту тему, в котором можно наблюдать все три опорных элемента державинского текста — в р е м я, немедленно уносящее людские слова и дела, п а м я т ь, противостоящая времени, и вечность как з а б в е н и е, пожирающее то, что удалось сохранить памяти:

Ибо, что бы мы ни делали, что бы ни говорили, как только это сделано или сказано, оно умирает. Правда, что память о нем, как и память об умерших, еще живет некоторое время, но когда и она исчезает, это подобно второй смерти, которой полностью уничтожаются все наши дела и речи. Где то, что я сделал вчера? Где то, что я сказал? Превратилось в ничто. Где то, что я сказал и сделал в прошлом году? Его поглотила вечная смерть забвения (Генрих Хантингдонский, кн. VIII: 445).³

Идея «второй смерти», противостоящей сохранности слов и событий, боль-

³ У Генриха интересующая нас триада появляется в своеобразном обрамлении четвертого компонента, о котором нам еще предстоит упомянуть ниже.

шинству исследователей Генриха Хантингдонского казалась настолько неожиданной в устах хрониста, чей труд направлен именно на то, чтобы преодолеть это окончательное забвение, что они говорят о специфическом «антиисторизме», присущем этому автору, несколько меньше обращая внимание на формульную природу этой сентенции.

Разумеется, в преамбулах и эпилогах к историографическим сочинениям конструкция из двух опорных элементов, где бы отстаивалась способность культурной традиции с о х р а н я т ь память о прошлом, оказывается куда более распространенной. В средневековых сочинениях данного типа мы обнаруживаем едва ли не все компоненты того аллегорического ряда, который через много столетий проявится в предсмертном стихотворении Державина. Образ трубы, например, оказывается вполне устойчивым символическим обозначением, почти эмблемой историописания, которое присутствует в соответствующих вводных формулах. Так, возвращаясь на византийскую почву, мы находим следующее его воплощение у историка Никиты Хониата:

история может быть названа также и своего рода книгой живых, и звучной трубой, которая как бы из могил воскрешает давно уже умерших и выставляет их на вид всякому желающему (Никита Хониат, I, кн. 1, гл. 1: 15).

Разумеется, речь ни в коем случае не идет о том, что Державин непосредственно ориентировался на какой-либо из упомянутых здесь средневековых памятников, скорее всего, он и не знал об их существовании, русский поэт и средневековые историки попросту задействуют одну и ту же формульную риторическую структуру, ориентируются на некий общий, стандартный прототип, представленный огромным количеством письменных текстов, созданных в разное время.⁴

Как видно из приведенных примеров, уже в XII веке такого рода формула сохранности была весьма прочно укоренена в литературной традиции, ее происхождение связывалось с античной греческой трагедией и с античной историографией, по отношению к которым средневековый автор ощущает свою преемственность или противопоставленность. В тексте Комниной появление формулы не в последнюю очередь обусловлено стремлением продемонстрировать свою включенность в античную традицию, принадлежность к ней — собственно ее познаниям в риторике и античных авторах посвящен пассаж, непосредственно следующий за интересующей нас преамбулой. Не менее показателен и дух соревнования, декларируемый автором «Книжицы епископа Этельвольда», который, отвергая языческие выдумки античности, желает, чтобы похвала святым была выражена с помощью тех же риторических средств, что использовались в панегирических сочинениях дохристианской древности.

⁴ На сходство последнего стихотворения Державина и преамбулы к «Алексиаде» обратил внимание О. Ронен в своей статье «Осип Мандельштам» (Ронен 1992: 530), однако автор, по-видимому, находясь под впечатлением высокой степени близости двух этих текстов и не подозревая о существовании множества других преамбул, не менее сходных с произведением Державина, приписал эту близость прямому воздействию византийской хроники на этот образец русской поэзии.

Строго говоря, в данном случае перед нами не завещания, а скорее биографии умерших, однако та же самая риторическая формула присутствует и в автобиографических преамбулах к завещаниям как таковым, содержащим имущественные распоряжения. Надо отметить, что XII век как в Византии, так и в Западной Европе был отмечен взрывом популярности подобного рода преамбул, хотя сами по себе они гораздо старше, и хорошо фиксируются, например, в папских посланиях, уже с VIII века.

Сочинение Комниной интересно тем, что непосредственно отсылает нас к той культурной сфере, где такого рода сентенции зарождались. Трагедия, о которой она упоминает, это, по всей видимости, «Аякс» Софокла, там мы находим своего рода прототип, содержащий по крайней мере одну из частей нашей будущей устойчивой конструкции:

Бег времени в несметных дней течение
На свет выводит крошечный зародыш
И света детищ хоронит в тьме.
Зароков нет для смертных; время точит
И клятвы страшной и упорства силу.⁵ (Софокл: строки 645–49,
пер. Ф. Ф. Зелинского)

Греческие трагедии (и не в последнюю очередь тексты Софокла), вообще говоря, дали обильный урожай такого рода формул, которым суждена была потом чрезвычайно долгая жизнь. В их недрах выкристаллизовывалось не только речение о всепоглащающем времени, но и такие, например, стандартные контрастные характеристики правителя, как *милостивый к друзьям, суровый к врагам, в дни мира кроткий как агнец, на войне яростный как лев* и т. п.⁶

Однако куда большую роль для рецепции этой формулы сыграл тот факт, что один из ранних ее образцов подарил всем последующим историографам и писателям не кто иной, как «отец истории» Геродот. Напомним первые строки, открывающие первую книгу его истории, «Клио»:

Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности (Геродот: 11).⁷

⁵ Αἶας ἄπανθ' ὁ μακρὸς κἀναριθμητὸς χρόνος φύει τ' ἄδηλα καὶ φανέντα κρύπτεται· κοῦκ ἔστ' ἄελλτον οὐδέν, ἀλλ' ἁλίσκεται χῶ δεινὸς ὄρκος καὶ περισκελεῖς φρένες.

⁶ Так, Медея в одноименной трагедии Еврипида говорит, что она «сурова к своим врагам, и добра к друзьям», в речах же Аякса, например, мы находим одно из многочисленных видоизменений этой конструкции: «Еще одну науку я извлек // Мы и врага лишь в меру ненавидеть // Должны и помнить, что и в нем мы друга // Со временем, быть может, обретем, — // И другу в меру доверять полезно: // Час неровен, изменит он» (Софокл: строки 678–82). В эпоху Средневековья мы находим эту конструкцию в великом множестве литературных текстов, от «Песни о Роланде» до исландских саг. Об античных корнях этой формулы см.: Jones 1962: 91–103, о ее распространении в средневековой Европе ср.: Успенский 2004.

⁷ Ἡροδότου Ἀλικαρνησέος ἱστορίης ἀπόδεξις ἥδε, ὥς μῆτε τὰ γενόμενα ἐξ ἀνθρώπων τῷ χρόνῳ ἐξίτηλα γίνηται, μῆτε ἔργα μεγάλα τε καὶ θωμαστά, τὰ μὲν Ἕλλησι τὰ δὲ βαρβάροισι ἀποδεχθέντα, ἀκλεᾶ γένηται, τὰ τε ἄλλα καὶ δι' ἣν αἰτίην ἐπολέμησαν ἀλλήλοισι.

Как нетрудно убедиться, представленный здесь вариант содержит в достаточно отчетливом виде и риторический элемент, связанный со способностью времени уносить события, делать их достоянием забвения, и возможность с помощью культурного умения, прежде всего, записи, противостоять этому забвению. Иными словами, здесь уже представлены те опорные компоненты, которые есть как у византийской принцессы Анны Комниной, так и в стихотворении Державина.

Таким образом, если до сих пор мы говорили довольно общо о весьма почтенном возрасте этой формулы, то теперь мы можем сказать точнее: она рождается примерно две с половиной тысячи лет. Возможно, правда, что и Геродот уже варьировал чей-то более ранний образец, однако трудно усомниться, что интересующая нас европейская (в самом широком смысле этого слова) традиция ее употребления восходит именно к этому кругу авторитетных текстов V в. до н.э. Подчеркнем очевидное: упомянутые здесь формулы — дохристианские, но если заниматься их средневековой историей, то в это уже чрезвычайно трудно поверить, настолько они ассимилированы христианской традицией и укоренены в ней.

Почему, однако, мы называем философскую сентенцию о быстротечности хода времени, который смывает все события, упраздняет клятвы и договоры, формулой?

Дело в том, что достаточно рано ее воспроизведение и тиражирование распределяется как бы по двум руслам. С одной стороны, она остается достаточно популярной в области высокой риторики и продолжает существовать в преамбулах, например, к историческим или дидактическим сочинениям. Так, ее можно найти и в исторических сочинениях VI в., например, у Иоанна Епифанийского (Ioannes Ephianiensis: 376). С другой стороны, она спускается и в более низкий жанр письменных текстов, а именно — в деловые документы, превращаясь в стандартную аренгу в разного типа актах.

Путь ее в официальные документы можно схематически наметить следующим образом: из античного историографического сочинения — в преамбулу к римскому или византийскому своду законов, а оттуда в средневековый публичный акт и в частноправовые тексты. Здесь она в целом сводится к следующему условному инварианту: **все дела людские творятся во времени, и необратимое течение времени стирает их из памяти, если они не будут навсегда закреплены словами свидетелей или письменно*. Впрочем, необходимо учитывать, что на бумаге или на пергаменте она представлена несколькими десятками различных версий.

В документе смысл такой преамбулы находит самое конкретное и самое приземленное воплощение. Здесь объясняется, зачем, собственно, фиксировать деловые отношения на письме — поток времени уничтожает все обещания и договоренности, все, что свершилось, «а если что и остается», то запись, последовательность букв, нанесенная на пергамент. Ни для раннего Средневековья, ни для более позднего времени нельзя строго ограничить круг частных документов, в которых встречается интересующая нас аренга: она есть в

договорах об обмене супругов предбрачными дарами, отпусках на свободу, но самые многочисленные примеры аренг встречаются в текстах, фиксирующих дарение церкви или передачу церкви прав на пользование имуществом, и, конечно же, в завещаниях.

Обычно в аренгах упоминаются и показания свидетелей, правда, в византийских реже, чем в прочих. Любопытно, что наша аренда и ее распространение в христианском мире может служить выразительным индикатором двух правовых традиций — той, для которой более всего авторитетны письменные свидетельства и ссылки на письменные источники, и другой, ассоциирующейся, например, со скандинавским Севером, где в первую очередь важны показания живых очевидцев и поручительства соседей, причем высоко котируются и цепочки устных свидетельств, передаваемых из поколения в поколение. Однако типологическая дифференциация таких традиций — это отдельная, достаточно обширная тема.

Упоминание о Северной Европе здесь неслучайно. В течение примерно пяти столетий наша формула победоносно распространяется по всему европейскому христианскому миру, от Италии до Норвегии и Исландии. Быть может, неслучайно, что ее «золотой век» приходится на вторую половину XII — первую половину XIII в., расцвет нашей формулы в документах лишь слегка запаздывает по отношению к всплеску ее популярности в «высокой литературе», в историографических сочинениях.⁸

В документе она первоначально существует на греческом или на латыни, потом в некоторых местных традициях начинает переводиться на национальные языки. Небезынтересно, что одна из ранних попыток такого перевода была предпринята не где-нибудь, а на Руси, хотя на пространстве *Rex Orthodoxa* аренда была куда менее развита, чем в *Rex Latina*. Тем не менее, мы обнаруживаем ее, в не слишком, правда, изящном виде, в Смоленской грамоте 1229 г.:

Что са дѣеть по вѣрьменьемъ то ѿидето по вѣрьменьемъ приказано боудѣте добрымъ людѣмъ а любо грамотою оутвѣрждать... (СГ, список А, готландская редакция 1229 г.)

В эту же эпоху встречаются, например, отдельные переводы интересующей нас аренды и на средненижненемецкий (Петрухин 2012: 482).⁹

Для сравнения приведем одну из стандартных версий нашей аренды, записанную в конце XV в. на деловом языке Великого княжества Литовского:

Кады бы учинки людскіи котории жъ съ прироженья своего кончаються черезъ твердости листовъ къ вѣчности не приведены и слушнымъ свѣдѣтельствомъ ко пришлому часу вѣдомости не были бы докончаны, сказала бы всякіи рѣчи съ часомъ старость,

⁸ О судьбе разнообразных аренг см. подробнее: Fichtenau 1957: passim.

⁹ Wenn dy czyt sache ist der vorgenclicheit, alle ding sich us der czyt voraldermn und daz alder ouch vorgessenheit inbrynget, had menschliche fursichtikeit mit geczugnissen der brive gelossen czu offfinbaren den nachkomeden, daz von eynem alleyne durch syner vorgenclicheit willen mit menschlichen styemen yn nicht mochte geofffinbard warden (Helbig/Weinrich 1968: 242) — «Поскольку время есть вещь преходящая, все предметы со временем ветшают и старость также приносит забвение, людское попечение через документальные свидетельства извещают потомков о том, что один человек, ввиду его бренности, не мог бы сообщить с помощью голоса» (перевод П. В. Петрухина).

а для того высокіи княжата радоу устави: абы безрадствомъ и невставичностью, рѣчемъ которыежъ ся имуть напотомъ дѣяти, шкody бы не было, уложили на то твердости листовъ, свѣдѣцтва укладаючи знамя ижъбы то было вѣчно (АЗР, I: № 165; ср. также: Леонтович, т. I/2: № 680).

Приведенные здесь тексты несколько отличаются друг от друга, но эти различия обусловлены не столько хронологической дистанцией между ними, сколько тем, что в самих формулах такого рода заложено требование вариативности.¹⁰ Вообще говоря, в связи с этим требованием возникает вопрос, каковы конкретные функции подобных варьирующихся и при этом повторяющихся аренг в документе.

С одной стороны, их роль здесь отчасти сродни той, что они играют в, условно говоря, высокой литературе, у Комниной или какого-то иного хрониста или философа. Они призваны подчеркнуть образованность составителя текста и его включенность в традицию делопроизводства. Поэтому для представителя развитой канцелярии, находясь она в Германии или в Польше, способность варьировать, видоизменять аренгу является делом престижа, демонстрацией выучки и достаточно изощренного владения риторическими техниками. Но при этом формула всегда остается формулой, и всяческое варьирование оказывается вышиванием по заранее очень жестко заданной канве.¹¹

С этим связана другая, не менее существенная функция аренги в деловом тексте. Она призвана удостоверить, что перед нами не просто некая запись, а документ, составленный в надлежащем месте и надлежащим человеком, прошедшим соответствующую школу, а стало быть и содержание его прошло должный контроль и отвечает требованиям всем юридической практики. В соответствии с этой тенденцией один и тот же вариант аренги может быть без какого-либо изменения повторен, например, в польской мазовецкой канцелярии в нескольких десятках дошедших до нас документов.

С такой точки зрения, содержательная сторона текста нашей преамбулы вообще в значительной степени нивелируется. Она играет роль чего-то вроде грифа или официального бланка учреждения, которые уже в силу своего присутствия придают всему написанному далее особый, официальный статус. Однако необходимо отметить, что подобная философская аренга все-таки никогда, по-видимому, не выражается полностью в чисто орнаментальную удо-

¹⁰ Можно привести здесь ряд вариантов этого формульного текста, встречающегося в канцеляриях Великой и Малой Польши XIII — начала XIV столетия, и тех, что мы находим в немецких канцеляриях и в пособии по *ars dictandi* у Лудольфа из Хильдесхайма: *Que geruntur in tempore ne simul labuntur cum tempore, et de gestis hominum etiam laudabilibus de facili emergit dura calumpnia, nisi causa memoriae obliviam rerum per scripti memoriam auferatur* (Rockinger 1863: 381); *Que geruntur in tempore ne labantur cum tempore poni solent in lingua testium vel vivacis littere memoria conservari quatinus sic hominiscalumpnia possit aliquatenus dertari, que plerumque solet benefactis nocere* (KDM, II: № 401, 1280 г.); *Ne ea qui geruntur in tempore cum lapsi temporis labantur solent poni in linguarum testimonia et scripti memoria perhennari* (KDW, I: № 305). В целом же, количество документов, где такая аренга то воспроизводится без изменений, то варьируется в пределах двух-трех слов, то обретает существенно обновленную форму, попросту не поддается исчислению.

¹¹ О распространении этой аренги на Руси и в Центральной Европе см. подробнее: Литвина 2002: 315–51.

стоверительную конструкцию, оставаясь своеобразным «мостиком» между высокой литературой и деловой письменностью. Характерно в этом отношении, что в юго-западной Руси, куда такая преамбула проникает под польским влиянием, она встречается или в особо значимых, так сказать, торжественных государственных актах — например, сводах законов, привилегиях городам на магдебургское право — или в частных завещаниях и дарениях церкви, т.е. там, где в документе освобождено пространство для «истории вопроса», автобиографии, описательного рассуждения о душе и о вечности (Литвина 2004: 3–27). Приведем в качестве иллюстрации к сказанному завещание XVI в.:

Во имя Отца и Сына и Светого Духа. Я рабъ Божіи Михайло Богушъ Боговитиновичъ подскарбіи земскіи великого князства Литовского маршалокъ и писарь господара его милости староста Слонимскій и Каменецкій чиню и пишу сесь тестаментъ своимъ цѣлымъ умомъ и полнымъ розумомъ никимъ не намовень а не принужень *бо бѣгъ того свѣта безъ писма всякая речъ с памети выходить, а писмомъ ся потверждаетъ и справуетъ* (АЮЗР, I: № 91, 1529 г.).

В иных областях юго-западной Руси, например, на Волыни, эта формула в составе духовных грамот проявляет особенную живучесть, используя и в XVIII столетии. Строго говоря, если речь идет о завещаниях, а не о документах вообще, то в ее употреблении практически невозможно определить хронологической конечной точки, *terminus post quem*.

Итак, перед нами тип формулы особого рода, не совпадающий ни с формулой юридической (хотя в чем-то ей родственный), ни с формулой эпической, фольклорной или поэтической. Он рождается в недрах письменной культуры и вместе с тем не сводим к цитате. В свою очередь, от того, что традиционно именуется топосом, его отличает внутренняя структурная оформленность, отчасти сохраняющаяся даже в стихотворении Державина. Как уже отмечалось, необходимым свойством таких формул является потенциал варьирования, и отдельной исследовательской задачей в каждом конкретном случае бывает выявление границ подобного рода вариативности, попросту говоря, выяснение того, что вмещается в рамки данного клише, а что принадлежит какой-то иной сфере.¹²

Может возникнуть вопрос, есть ли вообще смысл в анализе таких формул, ведь помимо всего прочего мы зачастую даже не можем установить их первоисточник. Дело обстоит легче, если это Библия или, например, греческая исто-

¹² Так, приведенный выше пассаж Генриха Хантиндонгского может рассматриваться в русле особого средневекового поджанра текстов о скоротечности всего земного (в исследовательской литературе поджанр этот было предложено обозначать с помощью латинской конструкции “ubi sunt?” — “где теперь?”) (Gilson 1955: 9–30; Partner 1977: p. 34–40; Greenway 1996: lxi; Мереминский 2015: 32–35). Основания для такого соположения несомненно есть, так как в труде Генриха, помимо трех элементов интересовавшей нас конструкции (быстротечность времени → память, противостоящая быстротечности, → «вторая смерть», забвение в вечности, перед которым бессильна память), имеется и четвертый — необходимость этого забвения в вечности для всего, что является атрибутом суетного, телесного мира. С другой стороны, часть топосов, на которые опирается Генрих, для других сочинений в жанре *ubi sunt* — нехарактерны и лежат скорее в русле традиционных преамбул средневековой историографии.

риография, однако зачастую мы способны лишь констатировать, что такого рода конструкция живет не одно столетие, но откуда она взялась, остается неясным. Тем не менее, даже в этом случае изучение их миграции, на наш взгляд, весьма перспективно, в частности, оно позволяет нащупать грань между культурной универсалией, типологическим сходством и заимствованием. Порой такие формулы могут служить надежным индикатором контактов там, где никаких других свидетельств о них почти не осталось. Кроме того, они способны как-то запечатлеть особые, долгоживущие культурно-исторические процессы, более длительные, чем, например, образование централизованного государства, оставаясь при этом в полной мере элементом сугубо письменной, а не народной традиции.

Напомним, что наша формула сохранности по самым скромным подсчетам прожила более двух тысячелетий. Может ли использование подобного рода клише что-то сообщить нам о картине мира человека, составляющего соответствующий письменный текст? Пожалуй, да, но в разных случаях в различной мере, потому что она зачастую употребляется почти по инерции, автоматически, но, вместе с тем, обладает способностью напряженной, трепетной, страстной актуализации, будучи воспроизведена тысячи раз, может вдруг зазвучать как вновь обретенное понимание. Так, например, несколько раз происходит в русско-скандинавском средневековом мире с формульными панегириками правителям, где они восхваляются за то, что не любят золото, но любят дружину и охотно раздают ей сокровища (см. подробнее: Литвина & Успенский 2007). То же случилось и с нашей формулой сохранности.

Благодаря деловой письменности она разносится и распространяется по свету так, как едва ли могла распространиться в допечатную эпоху в составе трактатов или исторических сочинений. При таком тиражировании ее смысловое наполнение отчасти нивелируется и стирается. Однако позднее, когда в XVII в. поток ее употребления в документах ослабевает, наша арена возвращается, принимая самые разные обличия, в дидактическую и относительно расхожую историко-философскую литературу.

Так, в XVIII столетии директором немецкой гимназии в Клостербергене Фридрихом Страссом была составлена историческая карта под названием «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории от древнейших времен по конец осьмого на десять столетия». Имена исторических деятелей были выписаны здесь в столбик, и столбцы фамилий, помещенные сверху вниз, напоминали русло извилистой реки. Каждой стране соответствовал свой «рукав», а всё вместе давало наглядное впечатление о всемирном историческом процессе, истекших пяти тысяч лет (исчисление карты доходило до 1800 г.). У правого края «карты» была расположена самая прямая протока: достижения науки, литературы, искусства.

В 1805 г. это изображение с переведенным на русский язык подписями было опубликовано в Журнале Российской словесности. В дальнейшем, на протяжении XIX в. оно пользовалось в России неизменной популярностью и, по свидетельству мемуаристов, могло помещаться на стене в гимназии. Именно эту карту повесил у себя в кабинете и Гавриил Державин, однако текста, дающего

пищу для его последнего стихотворения, на ней не было. С формулой как таковой он познакомился, по-видимому, другим путем.

Достоверно зная ее «каноническую» структуру, мы можем убедиться, что Державин обыгрывает эту конструкцию и полемизирует с ней, используя, так сказать, наиболее пессимистичный трехчастный ее вариант — быстротечность всепожирающего времени может быть преодолена силою письма или искусства, но и это преодоление лишь временное, вечность сводит на нет все то, на чем держится интересующая нас аренга.

Тем не менее, не что иное, как канцелярская и историографическая традиция, с которой полемизирует Державин, заставляла воспринять его текст как завешание. Разумеется, именно как завешание, как подведение итогов поэтической жизни он исполнен особой трагичности и безнадежности. Примечательно, что этой безнадежности русская литературная традиция после Державина не приняла. Она предпочла формулу сохранности в ее, так сказать, классическом варианте, когда письмо, память очевидцев и искусство властно преодолеть неумолимый бег времени. Такого рода цитатой, а вернее перифразом юго-западнорусских актов, начинается, например, «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина:

‘Вещи и дела, аще не написаниі бывають, тмою покрываються и гробу безпамятства предаются, написавшіи же яко одушевленіи ...’. Я родился полвека тому назад, в средней России, в деревне, в отцовской усадьбе. У нас нет чувства своего начала и конца. И очень жаль, что мне сказали, когда именно я родился (Бунин V: 7).

ЛИТЕРАТУРА

АЗР, I–IV, 1846–1853: *Акты, относящиеся к истории Западной России*. Собр. и изд. Археографическою комиссиею 1–4. Санкт-Петербург: «Эдуард Прац».

Анна Комнина, 1996: *Алексиада*. Пер. Я. Н. Любарского. Санкт-Петербург: Алетейя.

АЮЗР, I–XV, 1863–1892: *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России*. Собр. и изд. Археографическою комиссиею. Санкт-Петербург: «Эдуард Прац».

И. А. Бунин, I–VI, 1988: *Собрание сочинений*. Москва: «Правда».

Генрих Хантингдонский, 2015: *История англов*. Перевод с латинского, вступительная статья, примечания, библиография и указатели С. Г. Мереминского. Москва: «Университет Дмитрия Пожарского».

Геродот, 1993: *История в девяти книгах*. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Москва: «Ладомир».

Я. Грот (изд.), I–IX, 1864–1883: *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота*. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

А. Ю. Золотарёв, 2008: *Книжица епископа Этельвольда*: Перевод, предисловие

- и примечания Золотарёва. *Средние века* 69/3. 159–201.
- Ф. Н. ЛЕОНТОВИЧ (изд.), 1896–1897: *Акты литовской метрики* I/1–2; Собранные заслуженным профессором имп. Варшавского университета Ф. Н. Леонтовичем. Варшава: Типография Варшавского учебного округа.
- А. Ф. ЛИТВИНА, 2002: Аренга: Судьба латинской формулы в восточнославянских документах. *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*, отв. ред.: Т. М. Николаева. Москва: Языки славянской культуры. 315–51.
- , 2004: Жанр автобиографической преамбулы: «Поучение» Владимира Мономаха как духовная грамота. *Славяноведение* 4. 3–27.
- А. Ф. ЛИТВИНА, Ф. Б. УСПЕНСКИЙ, 2007: Между прозвищем и панегириком: К изучению русско-варяжского формульного фонда. *Именослов: Историческая семантика имени* 2. Сост. Ф. Б. Успенский. Москва: «Индрик». 135–88.
- С. Г. МЕРЕМИНСКИЙ, 2015: Генрих Хантингдонский и его «История англов». *Генрих Хантингдонский: История англов*. Перевод с латинского, вступительная статья, примечания, библиография и указатели С. Г. Мереминского. Москва: «Университет Дмитрия Пожарского». 5–40.
- Никита ХОНИАТ, 2003: *История со времени царствования Иоанна Комнина* 1–2. Рязань: «Александрия».
- П. В. ПЕТРУХИН, 2012: К вопросу о языке Смоленской договорной грамоты 1229 г. *От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко*. Москва: «Языки славянской культуры». 477–88.
- О. РОНЕН, 1992: Осип Мандельштам. *О. Э. Мандельштам: Собрание произведений: Стихотворения*. Сост., подгот. текста и примеч. С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдина. Москва: «Республика». 495–538.
- СТ, 1963: *Смоленские грамоты XIII–XIV веков*. Под ред. Р. И. Аванесова. Москва: Издательство Академии Наук СССР.
- Софокл, 1990: *Sophocles: Tragoediae. Софокл. Драмы*. В пер. Ф. Ф. Зелинского, О. В. Смыки и В. Н. Ярхо, под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо. Издание подготовили М. Л. Гаспаров и В. Н. Ярхо. Москва: «Наука».
- Ф. Б. УСПЕНСКИЙ, 2004: «Яростный как лев, кроткий как агнец»: Легенда печати и легенда власти в Норвегии XII–XIII вв. *Historia animata: Памяти Ольги Игоревны Варьяш* 3. Москва: Институт Всеобщей Истории РАН. 39–54.
- Heinrich FICHTEAU, 1957: *Arenge: Spätantike und Mittelalter in Spiegel von Urkundenformeln*. Grdec, Köln: Verlag Hermann Böhlaus Nachf.
- Etienne GILSON, 1955: De la Bible à François Villon. *Les idées et les letters: Essais d'Art et Philosophie*. Paris: Vrin. 9–30.
- Diane. E. GREENWAY (ur.), 1996: *Henry of Huntingdon. Historia Anglorum*. Oxford: Clarendon Press.

H. HELBIG, L. WEINRICH (ur.), 1968: *Urkunden und Erzählende Quellen zur deutschen Ostsiedlung im Mittelalter 1. Mittel- und Norddeutschland: Ostseeküste*. Darmstadt: Wissenschaftlich Buchgesellschaft.

Ioannes EPHIANIENSIS, 1870: Fragmentum. *Historici Graeci Minores* 1. Ur. L. Dindorfius. Lipsiae.

George F. JONES, 1962: Grim to your foes and kind to your friends. *Studia Neophilologica* 34. 91–103.

KDM, 1886: *Kodeks Dyplomatyczny Malopolski* 2. Zbr. F. Piekosiński. Krakov: Akad. Umiejętności, W. L. Anczyc.

KDW, 1982: *Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski*. Varšava: Poznan, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

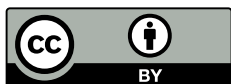
Nancy F. PARTNER, 1977: *Serious entertainments: The writing of history in twelfth-century England*. Chicago, London: University of Chicago Press.

Ludwig von ROCKINGER, 1863: *Briefsteller und Formelbücher des elften bis vierzehnten Jahrhunderts* 1. München: Georg Frank.

POVZETEK

Izhodišče raziskave je predsmrtna pesem Gavрила Deržavina (1743–1816) *Reka časov* in vprašanje o tem, ali jo lahko označimo za oporoko. V članku avtor pokaže, kako se besedilo uvršča v tradicijo, ki izhaja iz antike in je bila zelo razširjena po Evropi od Bizanca do Anglije, od Skandinavije do Poljske in Velike litovske kneževine.

Gre za posebno besedno formulo, ki ne sovпада s pravno, epsko ali folklorno. Ta formula obstaja že dve tisočletji in pol. V času srednjega veka in zgodnjega novega veka so jo uporabljali na dva načina: kot preambulo k različnim vrstam dokumentov, od katerih jo najdlje vključujejo oporoke; prav tako pogosto jo najdemo v srednjeveških zgodovinske in didaktičnih spisih. Rusko leposlovje 19. in 20. stoletja je podedovalo to stalno besedno formulo in jo na novo osmislilo. Deržavinovo besedilo ostaja oporoki blizu ne le po vsebini, pač pa tudi strukturno.

Slavistična revija (<https://srl.si>) je ponujena pod licenco [Creative Commons, priznanje avtorstva 4.0 international](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).
URL https://srl.si/sql_pdf/SRL_2016_1_04.pdf | DOST. 13/07/20 8.10